

ЗА КУЛИСАМИ

Журнал и сценарий - 1991 - 28 февр. (№9) - с.16

Нынешний наш министр культуры Николай Губенко, будучи по профессии актером, еще и сейчас выступает на сцене Таганки.

А вот доводилось ли вам видеть министра культуры, который бы открывал и закрывал театральный занавес — ведь это обязанность машиниста, за что ему и деньги платят. А чтоб министр, да еще бесплатно! Такое не часто увидишь. А мы — видели.

Было это во времена хрущевской оттепели и пышных фурцевских концертов, венчавших многочисленных совещания хлеборобов и хлопкоробов, докторов, поваров, писателей, читателей. Тогдашний лидер обожал встречаться с народом и наставлять его на путь истинный. Никита Сергеевич был легок на подъем, и не только сельского хозяйства.

Куда бы он ни приезжал, программа была одинаковой: выборы почетного президиума во главе с ним, затем его же доклад, выступления старого производственника, молодого передовика, бойкой комсомолки, пионеров со стихотворным приветствием — и снова Никита Сергеевич с заключительным словом. Потом небольшой перерыв, а после перерыва — большой концерт. Непременными участниками этих концертов были знаменитые в ту пору ленинградские артисты Павел Рудаков и Владимир Нечаев. И каждый раз зритель давался диву: как можно за каких-то 15 минут сочинить и выучить частушки на темы, только что подброшенные прорабом тогдашней перестройки.

В эпоху раскрепощения всех секретов откроем и этот: писали те сверхзлободневные частушки мы, и не за 15 минут до концерта, а часа за два до начала совещания. Лидеры той поры читали свои речи, как правило, по бумажке. Копии этих бумажек заранее получала министр культуры СССР Е. А. Фурцева, передавала их со своими пометками министру культуры РСФСР А. И. Попову, а тот, пообедав красным карандашом дозволенные для сатиры мишени, — нам.

Написать частушки на заданные темы для авторов-профессионалов было делом техники. Нетрудно было и Рудакову с Нечаевым наклеить листочки с частушками на гитару и концертину и поражать своей оперативностью притомившегося от совещания зрителя и всегда неутомимого Никиту Сергеевича. Порой казалось, что от успеха Рудакова и Нечаева зависть успех всего совещания — не зря А. И. Попов, выпуская их на сцену, крестился, хотя отношения высокого начальства с богом были в те времена более натянутыми, чем сейчас.

Самая сложная роль, конечно, была у А. И. Попова. Кроме того, что он давал занавес, выпускал артистов, он должен был еще быть и цензором их текстов. Ведь это только в поговорке все просто: «Утром

в газете, вечером в куплете». Чтобы вечером пропеть про то, что утром писалось тогда в газетах, нужно было минимум две недели. А тут — два часа. Всю ответственность приходилось брать на себя машинистру. Ох, и тяжело давалась ему роль цензора! С одной стороны, частушка должна была бичевать недостатки, а с другой (не дай бог!) — не обобщать их. Скажем, частушка

Старой лапотной Россией
Называл нас Вашингтон.
А мы недавно запустили
«Лапоть» весом в восемь тонн

**ВОТ
И
ВСЯ**

ЦЕНЗУРА!

не вызывала никаких сомнений: во-первых, она вещала о наших космических успехах, а во-вторых, была этим лаптем по Вашингтону. Частушка

Новость в Туле появилась —
Добавляют ветки в силос.
Бык отведал тульский силос —
Все в глазах перекошилось

хотя и была «острой», но не «обобщала», в ней был указан конкретный адрес — Тула. А чем кормили скот в других областях, было уже проблемой других совещаний.

Самыми трудными и для авторов, и для «цензора» были так называемые «переходные» частушки. Дело в том, что каждое выступление Хрущева состояло из двух частей: если в первой он говорил о том, как надо сеять или строить, то уж во второй — непременно о международном положении. Соответственно и Рудаков с Нечаевым половину частушек посвящали внутренней жизни, половину — международной. Помним, как на пленуме Союза композиторов, где Хру-

щев сперва долго учил их, как писать музыку, а потом перешел к политике, мы сочинили такую «переходную» частушку

Наш Громыко круглый год
Пишет много разных нот...

«Неплохо!» — ободряюще кивнул нам А. И. Попов. — «Вроде бы и про музыку, а в то же время переход к международной тематике!» Но услышав вторую половину частушки, сразу сник:

Ноты те наверняка
Оркеструются в ЦК.

Он понял, что за такую частушку можно запросто загреметь в машинисты сцены и открывать занавес не только в дни торжественных совещаний, но и ежедневно. Конечно, частушки не прошли.

Кончилась оттепель, кончились и частушки. Наступило время гимнов и од. Исчезли с эстрадного Олимпа и Рудаков с Нечаевым. Первый из них поселился в деревне под Ленинградом, второй руководил эстрадной мастерской и лет пять тому назад скончался.

И вдруг недавно мы снова увидели на афишах знакомое имя: «Заслуженный артист РСФСР Павел Рудаков». Интересно, что он сейчас делает? Неужели снова поет частушки — сейчас, во времена Хазанова, Жаанецкого, Задорнова? Сейчас, когда все стало на оборот: вечером в куплете, а утром в газете.

Поэт! И с большим успехом! Сами свидетели. Оказалось, что этот забытый жанр еще любим зрителем.

— Может, потряхните стариной? — сказал нам Павел Васильевич. — Понимаю, четверть века прошло, вы теперь только комедии пишете, но по старой-то дружбе, а?

И мы потряхнули — по дружбе. Утром потряхнули, а вечером он уже их исполнял. И без всякого цензора:

Помню, лозунг был в районе:
«Мы Америку догоним!»
Да чего там вспоминать —
Нам бы Африку догнать!
По статистике последней
Есть успехи кое в чем:
Мы едим всех меньше в среднем,
Но зато всех больше пьем.
Мастер-кровельщик из Штатов
В нашем СМУ работал год,
В результате «кроет» матом,
А железо продает.
Видит бог, что мне не надо
Президентского оклада,
Мне хватило бы, ей-богу,
Президентского налога!

Если бы четверть века назад нам сказали такое, мы бы умерли от смеха!

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР.